

Елизавета Рыкова

ЛОВЦЫ СНОВ

12+

Елизавета Александровна Рыкова

ЛОВЦЫ СНОВ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30790505

SelfPub; 2018

Аннотация

В мире, где всё существует благодаря музыке, нелегко выжить, если ты сам почти не звучишь. Правда, там с пониманием относятся к тем, кто почти всё время проводит в наушниках. Мелодия Сима Нортенсена постепенно затихает, но он всё ещё хочет знать, как звучит жизнь.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Глава 1. Стальная струна

Я лежу в кресле. Мне полагается кушетка, но я их ненавижу. В этом вопросе со мной не спорят, поэтому я лежу в кресле.

Сеньор Кейн сидит под лампой и покрывает закорючками страницы моей карточки. Лампа нестерпимо жужжит, но что поделать, за сотни лет ничего нового не придумали. И почему-то только в больничных лампах обычно эти мерзкие стальные струны, от которых этот мерзкий голубоватый свет.

Словно подслушав мои мысли, лампа начинает угасать. Медленно, как будто засыпает. Или умирает. Но при этом в свечении всё ещё можно различить лёгкие колебания. А что же, может, и из-за моих мыслей. Может, я какой-нибудь бессознательный звукомаг. Одного моего недовольства хватает, чтобы пригасить вибрации струны в лампе. И, скажем, завтра найдётся великий учитель, который раскроет мой великий потенциал.

Сеньор Кейн, не трудясь тянуться к выключателю, кладёт ручку и дёргает невидимую струну. Свет разгорается снова. Я рассматриваю сеньора Кейна и в тысячный раз думаю, какие больные у него были родители. Честное слово, надо было быть совсем психами, чтобы назвать его Альбином. Кажется, даже блики кошмарной голубой лампы гаснут на его чёрных волосах. Никогда не видел людей с такими чёрными волосами. Хотя сам он очень бледный. И глаза светлые. Вот что бывает с теми, кто всё время сидит под больничными

лампами. Ещё у сеньора Кейна белый халат, под которым – белая рубашка.

В тысячный раз оправдываю родителей Альбина Кейна и задумываюсь над вопросом: насколько имя определяет судьбу? Это привычная колея мыслей. Настолько привычная, что я, считай, и не думаю вовсе. Всё, что происходит сейчас в этом кабинете, повторялось и повторяется. Белый халат и прозрачные глаза сеньора Кейна. Мерзкий голубоватый свет. Толстая-претолстая карточка, в которой на каждой странице одно и то же – «синдром *una corda*¹», «усугубление внутреннего *rallentando*²», «острая динамическая недостаточность». Однажды он сплавил меня тупому, но очень хитрому практиканту. Тот просто переписал все рекомендации и диагнозы с предыдущих страниц. И был совершенно прав. Ничего не менялось. К лучшему, по крайней мере. Вот сейчас сеньор Кейн отложит мою карточку, потрёт переносицу двумя пальцами, посмотрит на меня этим своим *добрым, немного усталым взглядом*. Расскажет, как плохо влипать в неприятности. И я пойду домой к мамочке. Мне плевать. Я бы с удовольствием остался и у него в кабинете. Только бы мне дали поспать ещё пару часов.

Хоть я и знаю, что это тоже ничего не изменит. Я

¹ *Una corda* – от итальянского «одна струна». Приём игры на фортепиано, при котором молоточек бьёт только по одной из трёх струн. Звук получается отрывистый и глухой.

² *Rallentando* – «замедление». Указание играть постепенно замедляя темп.

проснусь, но мне всё равно не захочется двигаться.

Кейн откладывает мою карточку, трёт переносицу двумя пальцами. Поднимает на меня взгляд. И... я вздрогнул бы, если бы мне было хоть какое-то дело до происходящего. Но мне плевать. Так что я не вздрагиваю. Хотя Альбин Кейн сейчас очень страшен. Взгляд усталый, но совсем не добрый, о, вовсе нет.

– Ну, и что мы с тобой будем делать? – спрашивает он. Интонация слишком тихая и спокойная, чтобы сойти за доброжелательность.

– Зачем? – глупо спрашиваю я.

– Сим, ты хоть замечаешь, в какой момент кончаются игры и начинаются неприятности?

– Смотрю, я здорово вас достал, – бормочу я. И зеваю, не в силах более сдерживаться.

– Это да, – соглашается Кейн. – Твои демарши очень осложняют мою работу. Я мог бы ограничиться диагнозами и рецептами. Но ты калечишься всё больше и больше. Либо ты непроходимо туп и до тебя не доходит, что по ночам лучше не соваться под мосты. Либо тебя тянет туда так, что ты не можешь себя контролировать. Либо ты делаешь это назло мне. Все три варианта меня не устраивают.

– Я буду хорошо себя вести, сеньор Кейн, – заученно отвечаю я, глядя в потолок.

– Конечно, будешь.

О. Это что-то новенькое. Как он там всё время отвечал?

«Да ты каждый раз это говоришь, чтобы я отвязался», кажется, так. Он каждый раз это говорит, чтобы я не отвязывался. А теперь? Страшную кару небось придумал, ну-ну.

– Смотри, что у меня для тебя есть.

Кейн лезет в выдвижной ящик стола и спустя несколько секунд демонстрирует мне плоскую чёрную коробочку. От неё вниз тянется провод, который разделяется на ещё два, с круглыми утолщениями на концах. Я смотрю на коробочку. И до меня доходит, что это такое.

– Нет, – решительно говорю я, собрав остатки сил. – Ни за что.

– Сим, нет ничего постыдного в том, чтобы носить плеер.

– Ничего постыдного? – Я хочу возмутиться, но получается какой-то жалкий сарказм. – Да вы что, не знаете, откуда они пошли? Или, может, школьником никогда не были?

– Ты уже не маленький, пора бы знать, что музыкальные шкатулки, которыми усмиряли одержимых, не имеют никакого отношения к плеерам.

– Да? И кто объяснит это моим одноклассникам? Может, вы?

– Никому ничего не нужно объяснять. Тебе тоже. Ты не обязан оправдываться. Твоя *una corda* – болезнь, а не вина перед обществом.

– А плеер – причина для насмешек.

– Нет, это великое открытие, которое спасло тысячи людей. Очень многие ходят в наушниках, и это позволяет им

вести полноценную жизнь. А вот ты, если так дальше пойдёт, однажды просто нарвёшься на каких-нибудь хулиганов, которые сбросят тебя с моста...

– И это будет в миллион раз лучше, чем просто лечь однажды и больше никогда не вставать!

В кабинете воцаряется тишина.

– Симэн Нортенсен, – терпеливо прикрыв глаза, говорит Кейн, – то, что твои одноклассники посмеются над тобой – всего лишь предположение. А вот то, что дела у тебя всё хуже – факт.

– Вы просто не хотите винить себя в моей смерти, – неохотно огрызаюсь я.

– Да я-то переживу как-нибудь.

Кейн отводит взгляд, невесело усмехнувшись. Что же, сеньор Кейн, один-ноль, этого я действительно не ожидал.

– Но подумай о своих родителях.

А вот это он зря.

– Хорошо. Подумал. Мой отец узнает о том, что я умер... ну, где-то через месяц. Разве что вы найдёте способ с ним связаться и велите вернуться в наш город. Чтоб был рядом в мои последние минуты.

– Я и не про него, – спокойно возражает Кейн. – Я про твою маму, Симэн. Представь, каково ей будет узнать, что ты отказался от лечения. Из гордости. Что ты умер не из-за болезни, не в очередном приключении. Из-за того, что побоялся насмешек.

Чёртов сеньор Кейн, лениво думаю я. То ли это было «дваноль», то ли у меня уже нет сил спорить.

– Давай попробуем прямо сейчас, – предлагает он. – Подремлешь пару часов с плеером, а потом посмотрим, помогло или нет. Если не сработает, можешь его не носить. Я подумаю ещё.

Подремать пару часов? Я всё ему готов простить.

Где там ваш плеер?

Глава 2. Эгле

С музыкой у меня были свои отношения. В смысле, их не было. Синдром *una corda* фактически ставит запрет на звукомагию. По крайней мере, на той его стадии, которая была у меня. Я отлично понимал, что мне ничего не светит, так что подчёркнуто не интересовался музыкой. Я не знал ни имён, ни песен великих звукомагов. Ни за рубежом, ни среди моих соотечественников. Ни воинов, ни целителей. Это тоже отчуждало меня от сверстников, которые любили потрепаться о том, кто кому надрал задницу неделю назад в поединке. Но не думать о том, что слушаю, я не мог. Постепенно я начал подмечать общие закономерности. Интуитивно угадывать, где будет спад или подъём. Конечно, я по-прежнему не мог хвастаться знанием терминов. Что неудивительно, я же не пытался ничего специально запоминать.

Не знаю, на какой эффект рассчитывал сеньор Кейн. Но как-то незаметно у меня перестало хватать времени на то, чтобы шататься по подворотням и искать приключений.

Я по-прежнему не чувствовал себя полным энтузиазма по утрам, когда звонил будильник. Но в целом жить стало как-то легче. Раз в неделю я приходил к Кейну, и он заменял на плеере пару-тройку песен.

Не было в этих песнях ничего особенного. Ничего чарующего, выжимающего слезу или мгновенно дарующего радость жизни. Примерно те же инструменты. Один и тот же голос. Я не знал, кому он принадлежит, звал его просто «голос». Хотя, конечно, попытался классифицировать. Поискал информацию о диапазонах и пришёл к выводу, что Голос – баритон. Я почти не понимал, о чём он поёт, ведь наша родная алинга давно потеряла монополию на звукомагию. Теперь почти все известные песни исполнялись на языке Западного архипелага, кэлинге. Точнее, нет. Чтобы стать известными, им приходилось иметь текст на кэлинге. Вот так. Ну, какие-то познания в кэлинге у меня всё же имелись. Их хватило, чтобы немного разобрать слова. Насколько я понял, все песни, которые пел голос, были про любовь, про дружбу, про благородное дело риск, и ещё о том, как здорово летом танцевать на улице. Так что это, наверное, хорошо, что я почти не понимал текстов.

Без зубоскальств в классе, конечно, не обошлось. Но это были такие осторожные зубоскальства, которые не успели перерасти в серьёзные издевательства. Не успели, потому что над двумя смеяться сложнее, чем над одним.

Когда к нам перевелась Эгле, я только порадовался, что

теперь все отвлекутся на неё. Как это всегда бывает, расстановка сил и приоритетов длилась один урок. К перемене все уже определились с отношением к новенькой. Ну, понятно, девчонки в восторге не были. Сначала на всякий случай, а позже – потому, что в восторге были мальчишки. На третьем этапе девчонки разделились. Воображалы, которых было четверо, решили её игнорировать. Две странные подружки, Мари и Анна, стали вести себя дружелюбно, но сдержанно. Трое остальных напрасно ждали, пока она посмотрит в их сторону – чтобы налететь, всё объяснить, всё показать, помочь... короче, такой разрешённый способ порабощения. Предполагается, что новичок будет очень благодарен, потом его можно гонять со всякими мелочами.

Что касается мальчишек, я повторяю – они пришли в дикий восторг. И очень странно, что пришли. Эгле сама была похожа на мальчишку. Не было у неё длинных локонов – короткие светло-русые прядки, торчащие во все стороны, неровно подстриженная чёлка над серо-голубыми глазами. Не было и округлых форм, из-за которых удостаивались внимания воображалы. И даже хрупкой Эгле не была. Допустим, она вызывала бы желание покормить и защитить, это ещё можно понять. Но ведь не вызывала же. Она была поджарая и немножко угловатая, но не хрупкая.

Я так и не знаю, каким образом Эгле оказалась рядом с моей партой. В тот момент я сидел, переключая треки. С одной стороны, изображал человека крайне занятого и крайне

оторванного от реальности. С другой – пытался найти песню, которую ещё не успел заслушать до дыр. Я прогулял прошлую экзекуцию у Кейна, поэтому новых песен не получил. А в старых уже успел выучить все тексты, хотя понимал, может, слов десять. Ну, просто выучил, как последовательность звуков.

Эгле же стояла посреди класса, оглядываясь со спокойным любопытством. Будто это был безлюдный лес, а не шумный класс, и она хотела понять, в какой стороне искать чернику. Вот на этом моменте я потерял к ней интерес и принялся щёлкать кнопками. Так и не знаю, сколько времени прошло до того, как надо мной раздалось громкое:

– У тебя плеер!

От неожиданности я вдавил кнопку так, что три песни перещёлкнулись одна за другой и дали по слогу на кэлинге каждая. Я готов был поклясться, что в сумме это составило ругательство на алинге, возможно, чуть более грубое, чем я бы сказал при девчонке, но зато полностью отвечающее моменту. Самое интересное, что потом мне не удалось составить эту комбинацию заново. Так или иначе, я почти проникся благодарностью к Голосу. Ругаться вслух – значит, выражать эмоции и тратить энергию. Опасное удовольствие, если у тебя *una corda*. А тут он вроде как отреагировал вместо меня. Получилось забавно, так что теперь можно было не злиться на Эгле.

– У тебя плеер, – повторила Эгле, когда я вытащил науш-

ники и посмотрел на неё снизу вверх.

– Плеер, – подтвердил я.

И подумал, что интонация у неё какая-то странная. Как будто бы это такая примета: встретить человека с плеером – к счастью. Или как будто она проснулась сегодня с тремя ногами, весь день переживала, что у всех по две ноги, а у неё три, и вот нашла ещё одного трёхногого.

Ещё один трёхногий – это у нас я, значит.

Эгле, видимо, застеснялась, потому что весь класс на неё смотрел, она слишком громко сказала про плеер. Все обернулись, конечно. И я смотрел. А что делать? Не смотреть? Так ещё хуже, она же ко мне обратилась. Но что говорить или делать в таких случаях – понятия не имею. Лично знаю четверых, которые бы покраснели и убежали. Причём неважно, были бы они на моём месте или на месте Эгле. Естественно, мы не стали ни краснеть, ни убегать. Хотя момент был фатально неловкий. В конце концов, Эгле стиснула зубы, выпрямилась и сказала, уже гораздо спокойнее:

– Я болею. Мне тоже скоро придётся ходить с плеером. Очень боялась, что надо мной станут смеяться, и тут увидела тебя. Над тобой, кажется, никто не издевается, значит, и надо мной не будут.

Она обернулась к классу, впервые обводя их взглядом человека, смотрящего на группу людей, а не на предметы интерьера.

Клянусь, весь класс, все двадцать четыре крокодила,

включая воображал и самцов, все они дружно изобразили доброжелательность. Самое удивительное, что эта доброжелательность предназначалась не только Эгле, но и мне тоже.

Так у меня впервые в жизни появился друг. И надо сказать, это был отличный друг.

Глава 3. Май-маятник

Если верить мифу о Небесной Мельнице, погоду делает ветер. Он дует на четыре лопасти, вращая годовое колесо, и мельница перемальывает облака. Поэтому сверху постоянно что-то сыплется. То снег, то листья, то лепестки, то тополиный пух. Лично мне миф всегда казался нелогичным. Снег – ещё куда ни шло, но листья, лепестки и пух сыплются с деревьев, а не с неба. Эгле, впрочем, неуверенно предполагала, что просто миф пришёл с Восточного Берега. В смысле, в то время, когда там придумали тот миф, деревья были выше, а обитатели берега – меньше, и они очень редко смотрели вверх. Поэтому для них всё сыпалось с неба. Кейн предлагал восхититься тем, как древние люди прекрасно объясняли сложность мироздания. Ничего не зная о хлорофилле, они уже понимали, что у деревьев особая связь с небом.

Ну да, вот только эти древние люди точно знали, почему ветер дует. Потому что деревья качаются. Отлично они всё объясняли, ага.

Так вот, о ветре. Ему в этом году явно не доставало плотности. Очередная лопасть то ползла вперёд, то откатывалась назад. Весна безнадежно застряла в детском, майском состо-

нии, даже не думая превращаться в лето.

Сегодня я покидал школу последним. По крайней мере, так мне казалось, пока я шёл по гулкому пустому коридору. Una corda не освобождает от дежурств по классу, ха. Тем более, я же у нас теперь полноценный член общества, ведущий полноценную жизнь, благодаря новейшим технологиям.

Впрочем, ядом я плююсь, пожалуй, больше по привычке. В конце концов, новейшие технологии – очень неплохая штука. Год назад после дежурства я бы отправился напрямик домой, где либо тут же заснул, либо уныло пялился в стенку. А сегодня – нет, никаких «домой», я иду слоняться по городу вместе с Эгле. На правах старожила я показываю ей всё, что в Ленхамаари есть интересного. Да, ведь она не просто так перевелась к нам в конце года. Ну, то есть в Ленхамаари она приехала потому, что тут жил Кейн, один из лучших специалистов по лечению болезней внутренней мелодии. Но дело в том, что её мама была скульптором-недочкой. Когда они с Эгле узнали, что в Ленхамаари обитает Кейн, сеньора Элинор Вайс сочла это знаком свыше и решила заодно завершить обучение. А набор в художественной школе начинался в конце мая. Итак, в апреле они переехали, и четвёртую четверть мы с Эгле начали вместе.

...Когда я наклонился, чтобы зашнуровать кроссовки, почувствовал, что голову мягко повело. Это не было похоже на темноту, ударяющую в глаза изнутри, когда резко встаёшь. Точнее, нет, похоже, но совсем не так. Ощущение словно бы-

ло... не такое телесное, что ли. Надо спросить у Кейна, как это правильно называется.

Сзади в открытое окно на меня налетел ветер и тут же стих. Подождав, пока головокружение пройдёт, я обернулся. Школьный двор неторопливо пересекал какой-то старшеклассник. С минуту я пялился ему в спину, силясь понять, кто это. Самое дурацкое, что потом я пытался понять, зачем мне так важно было узнать его. Этот вопрос пришёл ко мне в тот момент, когда старшеклассник свернул за угол.

Ага, тупить начинаем, значит. Обычная вялость мозгов при una corda. Коротенькие мысли, коротенькая память. Неспособность сложить два и два. Новейшие технологии, ваш выход.

– Нортенсен!

Отлично. Не успел.

Сморгнул. Блёклые пятна стали резче и обрисовали в пространстве образ директрисы. Правда, пятна могли оставаться пятнами. Я бы всё равно узнал старую добрую Хлою. Мы слишком часто видимся.

– Да, сеньора?

Мутно-голубые глаза за стёклами очков обеспокоенно смотрят на меня.

– Тебе нехорошо?

Скоро будет, думаю я. Но лучше всё решить сейчас. Кто знает, когда ей в следующий раз приспичит поболтать.

– Всё в порядке, сеньора. Только у меня не очень много

времени. Меня... ждёт друг.

Что? Что за странное выражение лица у неё сейчас сделалось?

– Друг? – переспрашивает она.

– Эгле Вайс, – поясняю я.

Исчерпывающее объяснение, казалось бы. Благовоспитанный мальчик пошёл гулять с благовоспитанной девочкой. Только вот я не был благовоспитанным. Наверное, Хлоя беспокоится, что я плохо влияю на благовоспитанную девочку Эгле. Вот и строит такие рожи.

Или нет. Странно. После этого её лицо несколько смягчилось. Но во взгляде проскользнуло... разочарование?

– Хорошо. – Хлоя прикрывает глаза. – Рада, что у тебя всё в порядке. Значит, получилось завести друзей в своём классе?

О чём это она?

– Скорее, это у Эгле получилось. – Я изображаю вежливую улыбку. – Она первая ко мне подошла.

– Какая молодец, – одобрительно говорит директриса. – Нелегко бывает влиться в чужой круг.

Я пожимаю плечами и смотрю на неё недоуменно. Какой у меня может быть круг? Или она думает, что класс – это коллектив? Не может быть, чтобы Хлоя оказалась такой же дурочкой, как некоторые молодые училки. Она не первый год в школе. Она не может не понимать, что в школе каждый сам за себя. Альянсы заключаются по тысячам причин. Но ни од-

на из них не звучит так – «потому что мы одноклассники».

Ну, кроме тех мимолётных моментов трогательного единства во время контрольных. Там-то да, там легко сосчитать, сколько у тебя лучших друзей. Берёшь количество учеников в классе и вычитаешь единичку.

Видимо, я слишком долго и слишком недоуменно молчу. Потому что Хлоя тоже поднимает нарисованные брови:

– Я думала, ты дружишь с ребятами из старших классов, разве нет?

– Старшаки с нами даже не здороваются, – растерянно говорю я. Ага. Вот так. Ко мне подбирались. И до сих пор подбираются. Но зачем?

Дурацкая *una corda*.

– М-да? – недоверчиво говорит Хлоя. – Значит, ты ничего не знаешь о мальчике по имени Кори Мит?

Странное имя. Имя ли вообще? Больше похоже на погремуху. Старшаки с погремухами, похожими на девчоночьи имена, редко бывают милыми ребятами с высокими идеалами.

Отрицательно мотаю головой. Хлоя натянуто улыбается:

– Тогда ладно. Хорошей вам прогулки. Не бродите до ночи, хорошо?

Мы обмениваемся улыбками, и она уходит. Я плюхаюсь на скамейку. Замечаю на себе неприветливый взгляд вахтёра. Тот отворачивается, но и я уже не смотрю на него. Моё внимание поглощено новейшими технологиями.

Что-то очень тёплое и ритмичное... нет, почти все песни в нынешнем сете такие, но эта особенно тёплая. Нажав кнопку «пуск», я представляю себе жидкий свет, пробегающий от джека и распадающийся на две струйки – к наушникам.

Всю первую песню я просто оттаиваю и прихожу в себя. На второй начинаю болтать ногами и уже пытаюсь думать.

И мне становится так стыдно за свою несообразительность, что я чуть не перестаю думать.

Ну конечно. Во-первых, отлично я знаю это головокружение. Просто раньше оно не было болезненным. Это ощущение «рядом что-то происходит». Кейн прав, людей с una corda часто тянет в неприятности, а ещё к опасным людям. Это наш способ подзарядки. Мы лезем к истеричкам и паразитируем на них. Причём неважно, восхищают они нас или раздражают. Это шанс что-то чувствовать. Поэтому на моём счету, хоть я весьма хилый, больше драк, чем у иного школьного хулигана. В последнее время, правда, без этого можно обойтись. Наверное, что-то во мне изменилось из-за музыки, и мне больше не подходит такой способ подзарядки.

Значит, тот старшекласник, который проходил через двор у меня за спиной, опасен.

Теперь Хлоя. За последний год я был у неё на ковре примерно сто тысяч миллионов раз. Теперь ясно, она надеялась, что я снова связался с плохой компанией. Вот почему она так изменилась в лице, когда я сказал, что меня ждёт друг. Потому что Кори Мит тоже оставался в школе. Наверное, Хлоя

вообразила, что мы готовимся провести приятный пятничный вечерок за избивением детей и женщин. А я бы легко мог заложить дружка. Это была бы хорошая разводка на сильные эмоции.

Ну почему Хлоя – именно Хлоя? Почему она не может быть обыкновенной училкой, которая не учитывает ничьих особенностей? Хотя, наверное, я сам виноват. Слишком часто ссылался на свою болезнь, и вот теперь Хлоя слишком много знает про *una corda*. Надо быть паинькой и держаться от неё подальше.

И ещё. Хорошо бы узнать, насколько опасен этот Кори Мит. Я бы забил, но теперь, когда поблизости постоянно была Эгле... короче, я не мог втягивать её в неприятности.

Неважно, что она об этом думает. Если ей захочется неприятностей, пусть ищет их сама. Я присоединюсь, конечно. Но в свои втягивать точно не буду. Мои неприятности – это только мои неприятности. И точка.

Глава 4. Соединение установлено

Эгле стояла ко мне спиной. Временами делала несколько медленных шагов вперёд и снова останавливалась. Я смотрел на неё и гадал, какое у неё сейчас выражение лица. Она шла уже минут десять. Всё шла и никак не могла пройти эти жалкие сорок метров, которые я наотрез отказался идти вместе с ней. У меня исчезающе мало принципов, связанных с взаимоотношениями. И вот это был один из них. Знакомство с морем – это то, что надо совершать в одиночку, если есть

такая возможность. По правде говоря, я всегда считал, что в Ленхумаари только одна достопримечательность – вот этот песчаный пляж, поросший морской мятой, пустой практически в любое время года. И живое огромное пространство, начинающееся за ним, чаще всего – серебристо-зелёное.

Ну, ещё в списке достопримечательностей Ленхумаари был Альбин Кейн, конечно же.

Была и другая причина, по которой я не пошёл с Эгле. Её болезнь отличалась от моей. Очень странно получилось. Мой синдром описывался словами, которые означали приглушённость и слабость. *Una corda* – указание для пианиста нажать левую педаль, которая заглушит две из трёх струн под ударом молоточка. А Эгле была резонатором. С ней происходило то, что происходит с фортепиано, когда зажата правая педаль и все три струны открыты. То есть не три, а три умножить на восемьдесят восемь. Ничего так диапазон. В этот момент фортепиано реагирует на любой звук. Струны начинают резонировать, стоит только хлопнуть в ладоши рядом или просто что-нибудь сказать.

Вот и с Эгле было так же. Она очень легко поддавалась влиянию чужой мелодии. Они заполняли её полностью. Она как будто становилась другим человеком. Всё и так достаточно сложно, когда ты подросток. Просто представьте, насколько всё может быть хуже, когда ты – совершенно точно не ты, и каждый день по-разному. Это не означало, конечно, что у неё не было собственной мелодии, просто из-за тысяч

чужих было трудно её выцепить. Не такая опасная болезнь, чтобы умереть, но свихнуться годам этак к шестнадцати – очень даже можно. С этой точки зрения, я был не таким уж плохим вариантом друга, который вечно крутится поблизости. Конечно, со стороны мы казались просто двумя большими *una corda*. Но зато слабенькая моя мелодия почти не глушила внутреннее звучание Эгле. Всех остальных я тоже не глушил. Но из-за меня они держались подальше. Такой резонанс Эгле было легче переносить. Так сказать, я ей не очень мешал, в отличие от большинства здоровых. И делал так, чтобы они не мешали. Здоровые вечно чем-то недовольны. Не то чтобы без причин. Но одно дело – ныть из-за собственных проблем. И совсем другое – часами переживать из-за людей, с которыми ты даже не знаком.

...Эгле несколько минут стояла у серебристо-зелёной кромки, глядя, как волны набегают на берег и откатываются обратно. Ей не пришлось в голову снять туфли и зайти в воду. А может, и пришлось, просто она решила этого не делать. Когда она всё-таки захотела коснуться морской воды – опустилась на колени, протянула руки к волнам и сидела так долго-долго.

Когда она снова подошла ко мне, по её лицу было совершенно невозможно понять, что она чувствует. «Что, если у моря тоже есть мелодия, и сейчас она отозвалась у Эгле резонансом?» – пронеслось в мозгу.

– Ну как? – спросил я.

Эгле медленно покачала головой.

– Я специально пыталась запомнить слова, которыми буду рассказывать впечатления... но сейчас снова слышу тебя. И ничего не изменилось. А значит, – она чуть-чуть улыбнулась, – ты думаешь про море точно то же самое. Значит, ты знаешь – как.

Я знал. Конечно же, я знал. И просто молча кивнул, когда она договорила.

Хорошо, что она теперь тоже знала. И ещё лучше – что знала то же самое. Вернее, так же.

Потом мы ушли немного дальше, к скалам. Там, на пригорке, мы разбили лагерь. Остаток вечера мы грызли вафли и болтали. Так оживлённо, как только могут болтать два человека с *una corda*.

– Почему-то все странные слова как-то связаны с фортепиано, – сказала Эгле после продолжительной паузы. – Никогда не замечал?

– Странные? – Я запустил камешком в сторону моря. Не добросил, конечно.

– Ну, например, наши болезни.

– Не просто замечал, – хмыкнул я. – Так и есть. Всякими названиями занимаются теоретики. А теорию легче всего объяснять на фортепиано, её пианисты и придумывали.

– Не знала. – Эгле потянулась за вафлей.

– Да ладно. Это же в началке объясняют.

– В началке я занималась дома, – сухо ответила Эгле. –

Возможно, репетитор как раз хотел мне об этом рассказать, когда мне стало нелегко беспокоиться, выключен у него дома уют или нет.

Я мысленно отвесил себе пинка.

– Извини.

– Не парься. По тебе не видно, но я-то знаю, что ты раскаиваешься.

Она улыбнулась краешком рта. Я оценил этот подвиг ответным сокращением лицевых мышц. И поклялся больше никогда не упрекать её за то, что она чего-то не знает.

Но только её, конечно.

– Так вот. – Прокашлявшись, я начал снова. – Есть миф, что люди раньше были птицами. Поэтому петь они умели всегда. Потом те из них, что произошли от дятлов, придумали ритм и барабаны. Те, что произошли от певчих птиц, придумали флейты и мелодии. Это были два рода с разных территорий, там ещё душещипательная такая история была, он, мощный, словно раскаты литавр, она, нежная, словно песнь флейты... не суть, в общем, там всё как обычно. Главное, что в конце этой истории удар объединился с мелодией, так появился третий род – струны.

– А когда появляются пианисты? – Эгле подтянула ноги к себе и обхватила их руками. Майская земля ещё не прогрелась, а солнце почти село.

Я наморщил лоб, восстанавливая в памяти цепочку событий.

– Ну... до этого ещё далеко, – наконец сказал я. – Люди ведь не сразу поняли, что музыка – это магия. И фортепиано... для него же требуется объединение рода барабанов и рода струн. Пианисты вообще не очень древние. Сначала род флейт придумал магию и стал первой магической школой.

– Мелодия Духа, – обрадовалась Эгле. – Так вот откуда они взялись.

– Ага... ну вот, как раз перед тем, как их разогнали, появились пианисты. Они-то их и разгоняли, собственно... Но это ты уже знаешь. – Я с надеждой посмотрел на Эгле. К счастью, она действительно кивнула.

– Да, помню. Была большая резня, потом все очень долго не любили пианистов.

– Да их и до этого не очень-то любили.

– Почему? – Эгле посмотрела на меня с едва заметным удивлением. – Нет, мне бы тоже было стрёмно находиться в одной комнате с человеком, если бы я знала, что он легко свернёт шею самому страшному звукомагу. Это я могу понять. Но когда об этом ещё не подозревали...

Я вздохнул. Так глубоко я не копал. Точнее, копал, но очень давно. Причинно-следственные связи за это время благополучно перетёрлись.

– Ну, они вроде как с самого начала были не очень-то белыми и пушистыми... Звукомагия была в то время немного не такая, как сейчас. Прямо скажем, ею не любая кухонная курица могла пользоваться. В самом начале ещё и нельзя

было обходиться без инструмента. Если ты – звукомаг, то ты контролируешь весь свой инструмент. Греешь его. Практически кормишь собой. А ведь самый маленький рояль был больше самого огромного пианиста.

– С катушек слетали? – понимающе спросила Эгле.

– Вроде того, – пожал плечами я. – Вот один такой слетевший и придумал играть на воздухе. Он был боевым звукомагом. Там у Западного архипелага с Континентом войнушка случилась, он участвовал. Когда перемирие объявили, ему за каким-то тритоном надо было присутствовать... ох, не помню. – Я бросил на Эгле извиняющийся взгляд. – Войны я ещё более или менее различаю, но кто у кого был на торжественном приёме и зачем...

– Неважно, – нетерпеливо отозвалась Эгле. – Пианист.

– Да. Пианист. Короче, был он на территории проигравшей страны. Где многие его знали и очень не любили. Фортепиано же в то время было вроде пушки, диапазон-то огого. Один пианист берёт пару аккордов – и вот человек двадцать уже лежат и помалкивают. Там, в столице проигравшей страны его и встретила почётная комиссия. А он к тому времени уже так уколдовался, что перестал понимать, когда он за клавишами, а когда – нет. Ну, и сбавил прямо по воздуху... бедняг по стенам размазало. И знаешь, когда он понял, что играл на воздухе?

– Когда забеспокоился, что клавиши забрызгал? – Слабая улыбка, но ощутимо ехидная.

– Точно. Оказалось, что та часть музыки, которая и есть магия, не зависит ни от струн, ни от деревяшек. Остальные пианисты живенько посадили первооткрывателя на музыкальную шкатулку и стали исследовать звукомагию.

– На музыкальную шкатулку? – тихо переспросила Эгле, глядя прямо перед собой.

Я понял, что она не требует объяснения, а выражает эмоции по этому поводу. Все счастливые обладатели плеера знают, что его предком была музыкальная шкатулка. Они полагались всем сумасшедшим и одержимым. Внутренняя мелодия постоянно подавлялась мелодией шкатулки. Это превращало человека в овощ. Но зато в таком виде он был безопасен для общества.

Пугающее наследие Мелодии Духа. Единственное, что от них оставили пианисты в те жуткие годы. Неудивительно, что все так ненавидели и пианистов, и адептов Мелодии Духа. Но ладно уж, может, не так всё плохо, раз эта страшная штука мутировала в плеер.

– Ну, – невесело хмыкнул я, – как это у нас обычно бывает с первооткрывателями...

Мы помолчали, глядя на небо, где было всё меньше красного и всё больше синего.

– Пойдём? – предложил я. – Нам ещё в город возвращаться, а автобусы отсюда ночью не ходят.

Эгле рассеянно взглянула на меня. Судя по её лицу, она повернулась на звук моего голоса, а слов не разобрала. Я

вздохнул.

– Домой пора, говорю.

Недоумения на лице Эгле не убавилось.

– Ты же теперь тут живёшь, – вкрадчиво начал я. – Мы можем приехать сюда в любой день. И даже когда будут уроки. Скажем, что у нас приём у Кейна, и сбежим.

– А ты захочешь сюда? – Она смотрела на меня очень серьёзно.

Вот глупая. Как можно сюда не хотеть.

Примерно в этом смысле я и выразился. Лишь после этого Эгле согласилась взять обратный курс. И всю дорогу до остановки то и дело улыбалась.

Шли мы в молчании. На разговоры на ходу меня уже не хватало. Но когда мы сели в автобус, Эгле вдруг встревожено сказала:

– Знаешь, а я тебя плохо слышу. Мне ещё на берегу показалось.

– Меня всегда плохо слышно, разве нет? – пробурчал я. – Всё в порядке. Уж не хуже, чем днём.

Эгле помолчала. Видимо, прислушивалась. Потому что потом она сощурила глаза и прошипела:

– Ну и придурок же ты...

Демонстративно достала плеер и надела наушники. Я немного смутился. Ну да, я стесняюсь сидеть при ней в наушниках. Мы же вроде как разговариваем. Дотянул бы до дома, подумаешь.

Но я всё-таки достал свой экземпляр новейших технологий. Эгле это, однако, не успокоило.

– Почему ты его не включаешь? – спросила она через пару минут.

– С чего ты взяла? – как можно более равнодушно удивился я.

У неё иронично изогнулась бровь:

– Хочешь сказать, это ты переживаешь из-за неверной жены? Многого же я о тебе не знаю.

– Чего? Ну... – Я бросил взгляд в сторону лысины, покачивавшейся над спинкой водительского кресла.

В автобусе мы были одни.

– А ты её уже застучал? – не унималась Эгле. – Ну, хоть раз?

– Тихо ты, – шикнул я, кивая в сторону водителя.

Эгле тоже посмотрела на лысину и зажала себе рот обеими руками.

– Ой, – шёпотом сказала она, слегка краснея. – Надеюсь, он не слышал.

– Я тоже. Будет очень неловко, если он вышвырнет нас тут. Следующий автобус только утром.

– Не забалтывай меня, – твёрдо перебила Эгле. – И не ври. У тебя плеер разрядился, что ли?

– Угу, – со вздохом сознался я. – Да нормально всё, ещё пару часов я точно проживу.

Не стоило мне так выражаться. Эгле перестает понимать

шутки, когда речь идёт об *una corda*. Это жаль, за последние три года я придумал много смешных.

– По-моему, – осторожно начал я, – так делать нельзя.

Эгле сидела, угрожающе направив на меня наушник своего плеера.

– Почему? Кейн не велел? – насмешливо спросила она.

– Нет, – мрачно отозвался я, – законы звукомагии. Ты что, думаешь, любая музыка сгодится для подзарядки?

– Моя музыка – для подзарядки.

– Врёшь, тебя только стабилизируют.

– В этот раз ещё и подзаряжают.

Я адресовал ей самый угрюмый взгляд, на который только был способен.

– Это ты от меня нахваталась? *Una corda* теперь ещё и разна?

Эгле прикрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Открыла глаза. И очень спокойно сообщила:

– Если ты сейчас же не возьмёшь наушник, я тебя стукну.

– Даже если твоя музыка для подзарядки – это музыка для подзарядки тебя, а я...

– Стукну, – веско повторила Эгле.

– Ладно, – сдался я. – Можно, я скажу Кейну, что ты мне угрожала, если он спросит?

– Откуда он узнает, что нужно спрашивать? – удивилась Эгле. – Или ты думаешь, что из-за пары моих песенок ты превратишься в меня?

Честно говоря, примерно об этом я и думал. Вот только боязнь подхватить чужой эмоциональный фон... наверное, это не та тема, которую мне стоило обсуждать с Эгле. Она имела полное право в лучшем случае счесть это трусливым хныканьем, а в худшем – смертельно обидеться. С другой стороны, не у Кейна же спрашивать. Конечно, предполагается, что именно у Кейна, но... нет.

Нет.

Итак, дать ответы мне мог только собственный опыт. Я взял предложенный наушник.

Музыка была немного похожа на ту, что поддерживала во мне жизнь. Только более яркая, броская, лёгкая и быстрая. Солист тоже пел баритоном, только Голос был не таким высоким, чистым и... маневренным, что ли. И этот маневренный голос был не один, там был почти всегда хор, в качестве основной мелодии или подпевки. Такой многоцветный и многоголосый. Я слушал с закрытыми глазами. А когда открыл глаза, обнаружил, что мир неуловимо изменился. Чётче стали ощущаться запахи. Я понял, что мне ужасно нравится вид за окном. Нравится ехать в автобусе. Поймал себя на лёгком чувстве вины перед водителем. И ещё многое, многое другое. Всё дальше и дальше, с каждой нотой.

...Дома я отболтался от ужина. Первым делом, как только мне удалось проникнуть в свою комнату, поставил плеер на зарядку, потом выдернул лист из тетради и записал:

«Эгле

не любит больших бабочек, громкий шум, говорить шёпотом, темноту, гипсовые статуи, школьные экскурсии, стразы, малину, старые зеркала, шерстяные носки, дождь, щелчки метронома

любит перчатки без пальцев, печёную картошку, карамельки, овсяное печенье, самодельные украшения и игрушки, прозрачные пуговицы, высоту, скорость, запах горячего металла, старые фильмы, книжки про космос и Тихие Земли, морскую мяту».

Внимательно перечитал оба списка, убедился, что больше ничего не вспомню. И лишь после этого плюхнулся на кровать, надев уже свои наушники.

У меня там была неудачно нажата пауза – на хвосте закончившейся песни, а не в начале следующей. Когда я включал плеер, снова ткнул не туда, и песня запустилась с начала. Я не стал переключать. Не потому что записал эту песню в любимые, не потому что мне было лень. От удивления, вот почему. Она звучала теперь совсем по-другому. Да, это всё ещё был Голос, всё ещё та музыка, которую я уже давно считал чем-то вроде своей крови. Но после песен из плеера Эгле она, эта музыка, как-то вдруг... распахнулась, раскрылась, набрала ещё больше цвета. Я бы сказал, что теперь она была не сама по себе. Ещё через полчаса подумал, что, наверное, у меня просто есть возможность сравнить.

Перед сном понял окончательно. Это была не возможность сравнения, а следующая глава. Белое пятно карты, пе-

реставшее быть белым. Контекст. Зря я боялся, что из-за Голоса забуду всё, что узнал про Эгле. Не забыл. И даже вспомнил ещё кое-что.

Похоже, теперь я лучше относился к самому себе. Чуть-чуть, но лучше.

Надо показать ей Голос, сонно подумал я. И тут же – ах да, она слышит меня, значит, и так знает. Здорово. Интересно, у нормальных людей, которые всё чувствуют и выражают самостоятельно, тоже так, когда у них есть друзья?

Глава 5. Я один

– Привет.

Я сел на лавочку рядом с Эгле и принялся расшнуровать правый ботинок. Ботинки были новые, мы только вчера ходили с мамой за ними, и вот за дорогу до школы они успели натереть мне мозоль. Я подозревал, что это случится, я не в ладах с новой обувью, так что захватил с собой пластырь.

– Привет, – угрюмо отозвалась Эгле.

Я оставил ботинок в покое и разогнулся.

– Что-то случилось?

Эгле как-то странно посмотрела на меня.

– Нет. Ничего.

Правый наушник болтался на проводке, значит, левый был у неё в ухе. Странно. Обычно мы отключаем плееры, когда разговариваем друг с другом. Ну, хотя бы когда здороваемся. Что касается Эгле, то она и вовсе почти не доставала плеер в школе.

– Ничего? – переспросил я, выразительно посмотрев на наушник.

– Ничего.

– Ничего, значит.

Молчание. Мимо с хохотом и гиканьем пронеслось несколько третьеклассников – звонок ожидался через пять минут, холл уже почти опустел. Пожав плечами, я вернулся к своим мозолям. Убедившись, что пластырь не слетит, надел ботинок, зашнуровал. И только после этого предпринял ещё одну попытку коммуникации:

– Мы идём на урок?

– Идём.

Интонация у Эгле была всё такая же механическая. Резонировать со мной она не могла, у меня сегодня было на редкость хорошее утро. Я ещё раз внимательно присмотрелся к ней. Нет, ничего. Только вот...

Сумка. Она обычно носит сумку на ремне через плечо. А сейчас держала её за короткую ручку, как обычно держат портфели. Разлохмаченный конец лямки высывался из-под крышки. Проследив за моим взглядом, Эгле быстро сунула измочаленную лямку поглубже под крышку.

– Что случилось? – с нажимом спросил я.

Эгле посмотрела на меня тяжело и устало:

– Опоздание на математику, вот что случилось. И случится долгая вонь дорогой классной, если мы не поторопимся.

Ладно, подумал я, если Эгле не хочет говорить, я всё рав-

но узнаю. Но сейчас и в самом деле не лучшее время.

Всю математику я просидел как на иголках. Что такого могло случиться? Что её так расстроило? Она была не тем человеком, которого могла вывести из себя лопнувшая лямка. Насколько я знал, даже дома её не ждали никакие страшные кары за испорченные вещи. Да и семья, которая смогла себе позволить переезд в Ленхамаари, вряд ли разорится из-за покупки новой школьной сумки.

Я бросил взгляд на сумку Эгле, лежавшую подле её парты. И заметил ещё кое-что. Лямка оторвалась не потому, что не выдержали нитки, которыми она была пришита к сумке. Пришитый кусочек был на месте и тоже лохматился.

Выходит, лямку перерезали?

Великая Изначальная Гармония.

– Кто? – прямо спросил я, подсакивая к парте Эгле, скорее, пока она не ушла под каким-нибудь предлогом.

Глаза у Эгле по-прежнему были такие же тёмные и уставшие, как и её голос.

– Не знаю. – Она вяло пожала плечами. – Кто-то из старшаков. В следующий раз постараюсь побыстрее пройти вахтёра. И буду следить, чтобы сзади стоял кто-то знакомый. И тебе советую. Извини, мне надо выйти.

Она аккуратно обошла меня. Я остался стоять, глядя ей вслед. На самом деле, у меня остались вопросы. Но уже через минуту они перестали быть актуальными. Мне вдруг вспомнилось ещё несколько эпизодов.

Эгле стоит около урны, держа в руках шнурки от спортивных кроссовок. «Наступила, а они порвались. Да ладно, уже были грязные, сама хотела выкинуть».

Эгле не идёт в столовую, когда наступает время обеденного перерыва. «Ты ведь тоже не питаешься в столовой? Я составлю тебе компанию».

Эгле опаздывает на урок, а появляется мокрая и злая. «Около дома трубу прорвало, какой-то лихач пронёсся по луже, бывают же гады».

Значит, над ней целенаправленно кто-то... издевается?

Невероятно. Над нами никогда никто не смеялся. В нашем классе мы давно уже считались крутыми – потому что не реагировали. Мы оставались спокойными всегда. Когда случались внезапные контрольные, когда отменяли уроки, когда проводились внеплановые пожарные тревоги – мы сохраняли спокойствие, достойное индейских вождей. Нас ничем было не пронять, поэтому одноклассники даже гордились нами.

А тут.

Вернувшись на своё место, я принялся рыться в рюкзаке. У меня резко испортилось настроение. Через пару минут оно испортилось ещё сильнее. На всякий случай, я вытряхнул из сумки всё на парту. Так и есть. Плеер мой был дома, лежал около подушки, теперь-то я вспомнил, как забыл взять его с собой.

Ну нет, нет, люди не бывают настолько тупыми. Даже если

они – я.

Ещё одно прочёсывание сумки доказало – бывают.

Переживу, наверное, решил я. Главное, чтобы больше никакой фигни не случилось.

После уроков Эгле быстро собрала сумку, надела наушники и, так и не взглянув в мою сторону, пошла прочь. Она удалялась так поспешно, что я нагнал её только у выхода из школы. Поскольку у меня постепенно терялось всякое воображение, я так и не придумал, что ей сказать. Просто пошёл рядом, как будто бы она не пыталась меня игнорировать.

– Я не домой, – предупредила Эгле. – У меня ещё Кейн.

– А, – сказал я, – это хороший повод сохранять кислую рожу так долго.

Эгле промолчала. Видать, дело совсем было плохо. Где «от кислой рожи слышу»? Где злобные подколки по поводу текстов песен в моём плеере?

– Слушай, – осторожно начал я, – как ты думаешь, зачем они всё это делают?

– Сим, ты что, первый год в школе? – сухо спросила Эгле. – Ты что, не знаешь, что сильный жрёт слабого не затем, чтобы выжить, а потому что может?

– Но я думал, резонанс...

– Так ведь над ними в толпе не загораются надписи «скотина тут», Сим! – воскликнула Эгле. Светлые брови взметнулись, образовав обиженную морщинку на лбу.

– Значит, ты не знаешь, кто это был? – Как я и гово-

рил, способность делать выводы потихонечку куда-то утекала, вместе с воображением.

– Нет, – сердито ответила Эгле.

– Просто может такое быть, что я знаю кого-то из твоего фанклуба.

– Ну и здорово.

Она сунула руку в карман с плеером, теперь мне была слышна партия ударных в песне, которая играла в наушниках. Хуже некуда.

Но я очень способный.

– Да не парься, – сказал я, – скоро каникулы, а там-то они до тебя не докопаются.

Эгле бросила на меня такой взгляд, что я мгновенно осознал, какую тупость сморозил. Нет пределов моей способности всё портить. Сказать такую трусливую чушь, и кому – Эгле, которая говорит прямо, Эгле, которая не отступает, Эгле, которая не притворяется.

Короче, я сказал это Эгле, и лучше бы я забыл плеер в недельной школьной поездке и сдох на обратном пути.

Так я думал, идя домой. Через некоторое время оказалось, что сдохнуть я очень даже могу.

В середине лба расплзалась тупая боль – пожалуй, скорее, тяжесть, а не боль. Но этого вполне хватало, чтобы утратить способность думать связно. Тело тоже стало тяжёлым и неловким.

Раздражало всё. Абсолютно. Но раздражение тоже было

вялым и каким-то глухим. На Оранжевой улице мне встретились какие-то весельчаки, посоветовавшие мне «улыбаться и не париться». Перестрелял бы. Придурки. Хотя нет. Не перестрелял бы. Даже если бы мог. Меня сейчас едва хватало на то, чтобы идти. Мысли были короткими. Я ощущал себя неповоротливым. Никчёмным. Тупым. Почти несуществующим.

Доползти. Домой.

...Я упал на кровать. Два раза уронил наушники, пытаюсь их надеть, запутался в проводах. Если бы у меня было чуть больше сил, я бы разрыдался от злости. А так я просто сидел, бессмысленно уставившись на чёрный узел.

Состояние, в котором я терял способность двигаться, было у меня дважды. Первый раз – в раннем детстве, когда началась осень, и у нас под окном завяли цветы. Всё пожухло, небо посерело и начался дождь. Наверное, я испугался, что так теперь будет всегда. В каком-то смысле, так и вышло.

Второй раз случился перед моим знакомством с Кейном. Собственно, именно поэтому я и познакомился с Кейном. Это он тогда меня вытащил.

И теперь вот третий. Я сижу, словно тупая неподвижная кукла, в двух шагах от спасения. И не могу просто надеть эти дурацкие наушники. Если мама вернётся с работы пораньше, может, догадается. Может, зайдёт в мою комнату и догадается включить плеер.

Хотя какая разница. Даже если я и не дотяну до этого

времени. Насколько надо быть неудачником, чтобы получить лекарство, забыть его дома, успеть до него доползти и не успеть использовать?

Вот это да. Я сейчас отключусь. Так и не успею помириться с Эгле.

Почему-то это сработало как удар током. Не слишком сильный, но я всё же дёрнулся. Смог только взять наушники... и тут же меня накрыло душной темнотой. Тупая боль во лбу расплзлась на всю черепную коробку.

Нет, успел подумать я, не надо. Ну почему всё так по-идиотски.

Смешно, но именно эта мысль вытянула меня на поверхность темноты. А в следующий момент – вероятно, этот момент длился около двух минут – у меня получилось даже немного обалдеть. Наушники по-прежнему были у меня в кулаке, но я каким-то образом слышал песню, игравшую на плеере. Оказывается, он был включен всё это время.

Тёплая светлая волна переливчатых струнных аккордов толкнулась сильной долей в пульсации моей крови. Я почувствовал, что оживаю. Пожалуй, не такой уж я неудачник. Если плеер был включен всё это время и не разрядился, если он работает ещё и таким образом...

Голос выводил незатейливую мелодию, я слушал, понемногу оттаивая. Уже через двадцать минут я оттаял настолько, что вспомнил о недочитанной книге и смутно обрадовался. Не потому, что она мне очень нравилась и было бы обид-

но умереть, не дочитав её. Просто её мне дал мой единственный друг, с которым я так по-дурацки поссорился. У меня был отличный повод снова заговорить с Эгле, если завтра она всё ещё будет дуться. Обсудить интересную книжку – по моему, это замечательная тема даже для разговора с лютым врагом. Насколько я знал, Эгле была того же мнения.

«Спасибо, Голос, – подумал я, – кто бы ты ни был и где бы ты ни был сейчас – спасибо».

«Ты не один», – отозвался Голос.

Да, да, знаю, это просто была единственная строчка в песне, которую я понимал. И даже просто удачным совпадением могло считаться только то, что я услышал её сразу, как поблагодарил Голос. Но тем не менее.

Домашки задали мало, ведь мы почти дожили до каникул. Так что остаток вечера я провёл за книжкой. Это пока было всё, что я мог сделать, чтобы помириться с Эгле. Может, когда *una corda* перестанет ставить палки в колёса моим попыткам думать, я даже вычислю тех скотин и сочиню страшную месть.

«Размечтался», – явственно послышалось мне. Нет, точно послышалось, подумал я, песня-то на кэлинге. Хотя было бы забавно, я почти улыбнулся.

На всякий случай я воткнул наушники в уши. Всё-таки, слушать их руками – это немного странно.

Поскольку мои ботинки исчерпали запас сюрпризов, сего-

дня я появился в школе гораздо раньше. Сидел и буквально ногти грыз. Нормально ли будет заговорить с Эгле как ни в чём не бывало? Что делать, если она меня пошлёт подальше? Уйти подальше? Или продолжить говорить? Вернуть книжку сразу? Сначала поздороваться? Использовать книжку как тему для начала разговора или оставить как запасной вариант?

Почему всё так сложно-то!

Пока я терзался, Эгле вошла в класс. Не взглянув на меня, села на своё место. Я заметил, что сумка у неё та же, но лямка уже аккуратно пристрочена.

Интересно, какое объяснение получила сеньора Элинор.

Она доставала из сумки тетради, ручки, учебник, а я стоял у неё за спиной, не решаясь заговорить.

– Привет. – Эгле, не дожидаясь, пока я соберусь с мыслями, подняла голову и посмотрела на меня.

– Привет, – сказал я. – Вот, книжку тебе принёс. Дочитал. Спасибо.

Эгле бросила на меня испытующий взгляд, как будто ждала ещё какого-то комментария. Я молчал, потому что ждал вопроса "и как тебе?". Но Эгле отвела глаза:

– Понятно. Не за что.

Спрятав книжку в сумку, она принялась перекладывать с места на место ручку и карандаш. Я нерешительно потоптался рядом. И вдруг неожиданно для самого себя ляпнул:

– Ты когда-нибудь слушала музыку руками?

Вскинув голову, Эгле удивлённо подняла брови.

– Я тоже нет, – торопливо продолжил я, пока она не передумала со мной говорить, – просто вчера схватил наушники, хотел надеть, а плеер, оказывается, был включен, я и услышал, что музыка играет. Вот.

– Ну, – сказала Эгле, – по-моему, эти штуки так и устроены, нет? Мой плеер всегда включается сам, когда я надеваю наушники. Правда, руками я их не слушала. Это как-то... странно.

– Я просто не успел их надеть, – проворчал я. – Совсем вымотался, пока домой дошёл. Думал, прямо там и сдохну, уже почти двигаться не мог.

Ой. Зря я это сказал. Эгле резко изменилась в лице.

– Чистые квинты... – тихо сказала она. – Сим, прости, пожалуйста.

Вид у неё был самый что ни на есть несчастный.

– Я же слышала, что ты на пределе. – Она приложила обе ладони ко лбу, что означало крайнюю степень замешательства. – Но я не знала, что ты забыл плеер, правда!

Когда всё успело стать ещё сложнее? Теперь уже Эгле не знает, куда деться от чувства вины.

– Не парься, – нерешительно сказал я. – Я сам виноват. Тоже наговорил тебе всякого...

– Но ты хотя бы пытался помочь, – пробурчала Эгле.

Я кашлянул. И храбро возразил:

– Ничего я не пытался. Помочь – это узнать, кто над тобой

издевается, и морду ему набить.

– Много чести, – поморщилась Эгле. – Связываться ещё...

Невыносимую из-за взаимной неловкости сцену примирения милосердно прервал звонок.

Ну вот, подумал я, садясь на место, теперь Эгле знает, что я правда могу помереть, если она будет на меня злиться. Зато, кажется, мы снова разговариваем. Проблему подонков из старших классов это не решает, но хотя бы не усложняет.

И ещё промелькнуло – «ну вот, а я думал, она удивится». Это про моё открытие.

И снова – «всё-таки, кто?»

...К концу дня тревога почти испарилась. Мы шли домой вместе, а по пути болтали про книжку, которую я вернул Эгле.

И ещё целую неделю всё было хорошо.

А потом снова была моя очередь дежурить. И когда я отправился домой, путь мой лежал мимо заднего двора школы, как и всегда. Мимо служебного входа, который вёл в столовую, и нескольких больших мусорных баков.

Крепко закусив губу, Эгле презрительно смотрела на старшеклассника, стоявшего перед ней. Он был ко мне спиной, и я не сразу опознал в нём Кори Мита. Вероятно, Кори боялся не справиться в одиночку, раз привёл ещё одного подонка. Он-то и удерживал Эгле, заломив ей руку.

Мне показалось, что мой позвоночник превратился в лёд. Уши словно заложило. Увидев меня, Кори расплылся в ра-

достной ухмылке. Он что-то говорил, но я его не слышал.

Я узнал и подонка, державшего Эгле. Конечно, я его помнил. Моя единственная полная и безоговорочная победа. Одна из моих последних драк. Эх. Последние месяцы я провёл слишком славно и спокойно, вот уже и забыл об этом. А ведь первое время так осторожничал. Знал же, что он попытается отомстить. Знал. Но мне показалось, что мир подонков и начинающих сволочей остался по ту сторону наушников. Показалось, что они не тронут меня, когда я перестану тянуться к ним, чтобы нарваться на очередной мордобой.

И вот мир подонков пришёл за мной сам.

Я не слышал ничего, кроме своего сердцебиения. Вернее, это в первый момент я подумал, что стучит моё перепуганное сердце. Потом вдруг оказалось, что стучит оно довольно-таки спокойно и уверенно. И не совсем оно. Это был отсчёт ритма для вступления. Несколько тактов спустя я услышал остальные инструменты.

И Голос.

Голос звучал внутри меня. Не знаю, как. В этой песне тоже была всего одна строчка, которую я понимал. Но он звучал, не оставив мне выбора. Хотя, собственно, выбора не было с самого начала.

Нет, старик, ты ошибался, когда пел, что я не один, думал я, аккуратно поставив школьную сумку на землю и беря разгон. Я один. И всё равно у нас численное преимущество. Потому что один и один, и ещё один – это три, вот тут ты аб-

солютно прав, а их всего двое. Мы их уделаем. Я, ты и Эгле.

Глава 6. Сеть

Больничные лампы жужжали на низкой, угрожающей ноте. Обычно они издавали монотонный, выматывающий душу звук. Этот звук и так сложно было счесть благим предзнаменованием. Но сегодня их жужжание по-настоящему нагнетало обстановку.

Я тихонечко расковыривал дырку в окровавленном носовом платке. Эгле нервно мяла в руках бинт, которым были обмотаны её костяшки. Ну, то есть сейчас с костяшками всё уже было в порядке, но поначалу их пришлось забинтовать.

– Прости, – наконец вполголоса сказала Эгле.

– За что? – Я почти по-настоящему удивился. – Не ты же привела этих полудурков.

Эгле угрюмо потеребила бинт.

– Можно считать, что я. Ты ведь уже догадался?

Я скосил на неё глаза:

– Насчёт чего это?

Выражение лица Эгле напомнило мне момент нашего знакомства. Тогда она тоже сжала зубы, выпрямилась и сказала то, что должна была сказать.

– Я тебе соврала.

И даже голос так же звучит – немного механически.

– Я сказала, что не знаю, кто надо мной издевается. А я знала.

– Очень интересно, – ответил я. В прошлый раз я так себя

и вёл – говорить можно без выражения, главное, продолжать вставлять реплики. Чтобы разговор продолжался. Глядишь, всё прояснится.

Эгле беспокойно убрала со лба светлую чёлку.

– Я просто не хотела, чтобы они и к тебе лезли.

– Ты думала, я сразу пойду с ними разбираться? Я польщён.

– Да хоть бы и не сразу. Всё равно этим бы всё кончилось.

– Тогда почему ты мне не рассказала?

– Надеялась, что смогу им не попасться.

– Ты совсем балда, что ли? – сердито спросил я. – При чём тут «смогу не попасться»? Им пора было начистить рожи ещё месяц назад, если я правильно помню.

Эгле прямо взглянула мне в глаза.

– В смысле, я должна была подойти к тебе и сказать: «Вот там стоит гадёныш, он портит мои вещи, чтобы ты попытался с ним подраться, не делай этого ни в коем случае». Так, что ли?

– Нет, не так. Ты должна была сказать: «Вот там стоит гадёныш, он портит мои вещи, пошли, будем драть ему задницу». Я тебе друг или хвост пороссячий?

– Друг, – с отчаянием в голосе ответила Эгле, – и вот именно поэтому я и не могла тебя втягивать.

– Че-го-о?

– Того, – буркнула Эгле. – Их много. И Кори с тем недомерком – это так, отросточек. Они в той шайке единствен-

ные, кто ещё в школе учится.

Не могу сказать, что меня это очень напугало. Но неприятные ощущения в области загривка точно появились.

– Это у них стиль такой, – мрачно продолжала Эгле. – Если они хотят что-то тебе сделать, они ловят твоего друга-слабака. И потом всячески тебя унижают, а тебе приходится терпеть, чтобы они больше не прикапывались к твоему другу.

Злорадная ухмылка получилась у меня совершенно без усилий.

– Только они не учли, что ты не слабак.

– Да, – важно кивнула Эгле. – И не учли, что ты не будешь ничего спрашивать, а сразу драться полезешь.

– И Хлою не учли.

Ушлёпка, державшего Эгле, я сразу проигнорировал, бросился на Кори. Эгле справилась сама – ударила его макушкой в подбородок, а когда он взвыл и выпустил её – добавила кулаком в зубы. Сильно рассадила костяшки, но вроде даже что-то ему выбила. Не скажу, что мы так уж хорошо дрались, но смогли продержаться до подхода Хлои. Потом Эгле прикинулась напуганной барышней, а я – храбрым рыцарем. Хлоя не прониклась. Тогда мы весьма убедительно изобразили приступ. Точнее, я изобразил приступ, а Эгле принялась носиться вокруг с причитаниями. Так мы из двух зол выбрали Кейна. Тем более, что мы и вправду считали его более дружественным взрослым. По сравнению с Хлоей.

Это мы, конечно, немножко просчитались. Мы что-то пи-

щали в своё оправдание, но он всё проигнорировал. Молча остановил носовое кровотечение у меня, залечил разбитые костяшки Эгле и ушёл. Велел сидеть здесь и никуда не высываться. И его не было уже очень долго – страшно представить, куда за это время можно пропасть.

Причём с каждой минутой всё страшнее и страшнее. Куда там мифической шайке юных шантажистов.

– Кстати, – встрепенулся я, – откуда ты всё это знаешь? Ну, про Кори и его шайку.

– Ох, там такая алиингйская опера... – вздохнула Эгле. – В общем, слушай. Ты хорошо знаком с Мирандой?

– Воображала, – откликнулся я. – Их четверо, я даже не знаю, кто из них хуже.

Эгле кивнула.

– Да. Подходит она ко мне сегодня и спрашивает: «А что ты делаешь после занятий?». Сказала, что их девчачий клуб хочет познакомиться со мной поближе.

– Миранда сказала? – Недоверчиво уточнил я.

– Вот именно. Видимо, на этом месте я должна была умереть от восхищения. Как же, богини красоты снизошли до меня...

– Я и сам бы умер, – буркнул я, – тут же.

Эгле хихикнула.

– Ну, выбить меня из колеи ей удалось, факт. Я так удивилась, что ответила честно. Сегодня я не очень хорошо себя чувствую, никуда не пойду, отправлюсь сразу домой, прове-

ду вечер в скорбях и сожалениях, что лишилась такой компании.

– И что Миранда? – Я всё ещё не мог представить себе Миранду разговаривающей с Эгле, поэтому нуждался в деталях. Мне кажется, у неё должен был взорваться мозг ещё до того, как Эгле попыталась бы открыть рот.

– Ой, – сказала Эгле, – как она хлопала ресничками и заламывала ручки, ты бы видел. Столько соболезнований мне, кажется, ещё никто не высказывал. Короче, милая наша девочка сильно перегнула палку, и я заподозрила неладное. Подошла на следующей переменке к Юлсу, спросила, как Миранда, не болеет ли...

– Почему именно к Юлсу? – удивился я.

Эгле посмотрела на меня с жалостью:

– Сим, ты совсем в танке? Юлсу нравится Миранда. Она вроде как с ним гуляет, но вроде как нет. Он у неё такая синица в руках.

– Ну дела, – разочарованно протянул я, – а ведь он мне казался вполне здравомыслящим парнем.

– Он и есть здравомыслящий, – возразила Эгле. – Юлс мне всё выложил. – И помрачнела: – Правда, мне это не помогло.

– Забей, – поморщился я. – Ты же не могла знать, что Кори подкараулит тебя у самого выхода. Давай дальше, про Юлса и Миранду.

Эгле кивнула и продолжила:

– Оказывается, Миранда синичку свою не отпускает, но

и на журавля в небе тоже замахивается. И знаешь, кто этот журавлик?

– Подожди-ка... – медленно сказал я, – ты же не хочешь сказать, что речь идёт о типичнейшей ошибке школьников средних классов?

– Хочу.

– У неё большие и светлые чувства, а он её использует?

– Да.

– Ей так польстило внимание старшеклассника, что она этого не замечает?

– Именно.

– Она способна на любую гадость, лишь бы он продолжал с ней общаться?

– Точно. – Эгле изобразила восхищение моей интеллектуальной мощью. – А я-то думала, ты врёшь, что на самом деле ты умный, просто una corda мешает.

– Вот возьму и ни словечка Кейну не скажу, когда он потребует подробных объяснений, – пригрозил я. – Сама ему будешь рассказывать, какой я великий герой.

– Да ладно тебе. – Эгле шутливо толкнула меня плечом. – Я бы и так рассказала. Но пока что я рассказываю про этого собачьего Кори. Или как, дальше ты сам?

– Сам, конечно, – проворчал я. – Теперь-то всё ясно. Юлс хочет, чтобы Миранда перестала заглядываться на Кори. Значит, Кори должен перестать кадрить Миранду. В смысле, понять, что она бесполезна. То есть, Миранда должна обла-

жаться.

– Не совсем, – покачала головой Эгле. – Юлс не хочет, чтобы Миранда связывалась с Кори, это правда. Но побуждения у него более высокие. Рано или поздно вся шайка очень крепко влипнет. А когда она только начнёт влипать, в первую очередь не поздоровится школьникам.

– А-а, – глубокомысленно промычал я. – Какие страсти.

– Так я и говорю, – уныло подтвердила Эгле, – алингийская опера. Мы были бы в курсе, если бы почаще вылезали из наушников.

– Угу-у...

Мы замолчали. Не знаю, как Эгле, а я вспомнил, что нам предстоит неприятный разговор с Кейном. И, вероятно, с родителями. Зависит от того, что он им скажет.

В худшем случае, сеньора Элинор Вайс сочтёт меня начинающим уголовником и запретит своей дочери со мной общаться. И мама...

Ох, чёрт. Я достаточно эгоистичный и плохой сын, чтобы не интересоваться жизнью родителей. Когда Эгле спросила, есть ли у мамы хобби, я не смог вспомнить. Да что там, за несколько лет я ни разу не ответил ни на одно письмо от отца, которые каждый месяц приходили из Тихих Земель. Но даже я заметил, как мама радуется, что я не влипаю в неприятности и дружу с хорошей девочкой Эгле.

С хорошей девочкой, которая спокойно выбила зуб плохому мальчику.

Это обнадёживало.

Дверь кабинета бесшумно распахнулась. Мы, признанные столпы спокойствия, в смысле, пеньки бесчувственные, непроизвольно пододвинулись чуть ближе друг ко другу.

– Сеньора Вайс, марш домой, – строго велел Кейн, взметнув полами белого халата. – Сеньор Нортенсен, вы остаётесь.

– Но мы же... – запротестовала Эгле.

– Никаких возражений.

– Вы хотите отправить её домой одну?! – возмутился я.

– Не об-суж-да-ет-ся. – Кейн развернулся ко мне. – Успокойтесь. Сегодня драк больше не будет.

– Так ведь это же не мы...!

– Я знаю, – неожиданно спокойно отозвался Кейн. – А теперь замолчите – оба – и подумайте. Кто-нибудь видел, как Сим изобразил приступ?

Мы с Эгле озадаченно переглянулись.

– Нет, – наконец ответила Эгле. – Те двое убежали, когда Хлоя вышла, а кроме них, там больше никого не было.

– Значит, они не знают, что вы отправились ко мне. Если сеньора Вайс, – Кейн послал ей суровый взгляд, – не будет валять дурака и сразу поедет домой, у них очень мало шансов где-то её подкараулить.

Тупые взрослые. Городские хулиганы всегда находят тех, кого хотят поколотить.

Но сколько бы мы ни пытались возражать, Кейн и слышать ничего не хотел. В конце концов, Эгле скрылась за дверью,

бросив на меня виноватый взгляд. Я кивнул ей – понимаю, дружище, ты не специально.

– Отчитывать будете? – С вызовом спросил я, когда Кейн уселся на своё место.

Ответ меня удивил.

– Зачем бы? – пожал плечами Кейн.

– Ну, – сказал я, – вы же сейчас родителям нашим звонили, да?

– Звонил.

– Всё рассказали, наверное. Сообщили, что я плохо влияю на Эгле. Попросили принять меры. Да? Чтобы я одумался, вёл себя прилично...

Я осёкся, потому что Кейн утомлённо посмотрел на меня поверх пальцев, сцепленных в замок.

– Ну что ты несёшь? – негромко спросил он, дождавшись, пока я заткнусь. – Думаешь, я не знаю, что вам ещё не раз придётся кому-то давать отпор? Думаешь, я не понимаю, что два – это больше, чем один? Причём не в два раза больше, а в десять, если речь идёт о противостоянии.

Великая Гармония. Кейн. Кейн ведёт себя так, как будто он когда-то тоже был человеком!

Я смотрел на него во все глаза, стараясь не упустить ни одного слова, ни одной интонации, ни одного движения мимических мышц.

– За что тебя отчитывать? – продолжал Кейн. – За то, что ты друга выручил? Я прекрасно понимаю, что ты вовсе не

хотел ни с кем драться.

Вот это да. Я-то думал, он поверил Хлое, которая утверждала, что я взялся за старое. Я-то думал, он ничего не понял из наших с Эгле попыток рассказать, как всё было. Я-то думал, он позвонил нашим родителям и пересказал им слова Хлои, попутно домыслив пару-тройку гадостей.

– Всё я понял, – устало сказал Кейн.

Ой. Кажется, я так обалдел от всего этого, что произнёс вслух часть мыслей.

– А если вы всё поняли, то почему отправили Эгле домой одну? – не удержался я.

– Сим, – снисходительно начал Кейн, – ты что, не знаешь повадки школьного хулиганья? Ни за что не поверю. Они ещё дня два будут приходить в себя. Сегодня вам обоим точно ничего не грозит. Эгле пора домой, потому что сеньора Элинор Вайс знает – дочь помогала своему другу добраться до больницы. Не потому, что кто-то должен был залечить ей содранные костяшки. Сеньора Дана Нортенсен знает, что её сыну стало плохо, но сейчас всё в порядке. Плохо – потому что у него серьёзная болезнь, разбитый нос тут совершенно ни при чём. Поэтому ты пока побудешь тут.

– А как же Хлоя? – недоверчиво спросил я. Надо же. Я был уверен, что она первой добралась до наших родителей.

– А что Хлоя? – безмятежно переспросил Кейн. – Не разобралась, подняла панику, так часто бывает.

– У меня одежда кровью закапана, – мрачно напомнил я.

– Что же, – сказал Кейн, – конечно, есть звукомагические способы вывести пятна. Но они работают только с влажной тканью, а твоя кровь уже засохла. Впрочем, это означает только то, что ты должен незаметно пробраться в свою комнату и переодеться. И в кои-то веки самостоятельно постирать одежду. Полагаю, это единственный сложный момент во всём плане.

Издевается ещё.

– Год кончается, – сообщил я, – надвигается последнее родительское собрание. Хлоя обязательно захочет поговорить и с моей мамой, и с мамой Эгле. И скажет, что вы всё...

– А мотивы? – Кейн надменно вздёрнул бровь. – Кто в здравом уме поверит, что я стану тебя прикрывать? У нас с тобой натянутые отношения, это все знают.

Ну надо же. Я думал, он не знает.

– В любом случае, – Кейн вздохнул, откидываясь на спинку стула, – это будет потом. Сейчас... я не хочу, чтобы ваши родители делали поспешные выводы. Сейчас вас обоих нельзя тревожить. Ты слишком привязался к Эгле, а она – к тебе. Вас уже невозможно просто изолировать друг от друга. Даже думать не хочу, какие будут последствия. Так. – Он слегка хлопнул ладонями по столу. – Враки враками, а за твоей мелодией после такой эмоциональной вспышки действительно надо понаблюдать.

На этом удивительные открытия кончились. Теперь всё стало привычным. Снова датчики, снова жужжание больнич-

ных ламп, наморщенный лоб Кейна, шорох ручки, стремительно скользящей по бумаге.

Но я не обманывался. Теперь-то я знал, что всё в один момент может измениться. Может быть, вообще ничего не очевидно, восторженно размышлял я, потом окажется, что у Кейна тоже болезнь внутренней мелодии, и он вот сейчас резонировал с Эгле и со мной.

– Я отойду на несколько минут. – Голос Кейна отвлёк меня от размышлений. – Если я запущу музыку с проигрывателя, а не с плеера, ты сможешь просто сидеть и ничего не трогать?

Я только кивнул. Я всё ещё переживал крушение привычной картины мира. За обломками маячила совершенно иная реальность. В ней Кейн вёл себя по-человечески. Не читал нотации. Не давал бесполезных советов. Не требовал заведомо невыполнимых обещаний. Знал, как себя ведут подонки вроде Кори, и действовал в соответствии с реальным положением вещей. А не руководствовался идиотскими представлениями о мире, которые обычно люди приобретают в его возрасте.

Может, у него ещё и друзья есть. А что? Чем чёрт не шутит.

Хотя нет, это я, пожалуй, замечтался.

Мне нужно было время, чтобы со всем этим свыкнуться и решить, как жить дальше.

Что же. С такой картиной мира я, пожалуй, был согласен. Настолько, что даже был готов ещё некоторое время – так

и быть – сидеть и ничего не трогать. Просто из признательности. Жизнь понемногу налаживалась. То есть, и до этого всё было относительно неплохо. А сейчас, когда подключился Голос, я и вовсе почувствовал себя человеком.

Голос. Я вспомнил, как слышал музыку вместо привычного глухого стука в ушах. Выходит, это теперь я. Это я теперь так звучу. Я звучу как песни о танцах на улице, как песни о дружбе, как песни о ветре, снах и полётах. Звучу с этим вот простором и смелой вольностью, граничащей с пофигизмом, но не с равнодушным пофигизмом, а с весёлым, который выражается словами: «И ничего вы мне не сделаете».

С ума сойти.

Глава 7. Ночь

– Вот и погуляли, – уныло подытожила Эгле.

– Угу, – так же уныло отозвался я.

Мы оба умолкли.

– Похоже, теперь действительно придётся... – Она закончила фразу с непередаваемым отвращением: – ...вести себя хорошо.

– Уж по крайней мере, никаких ночных прогулок, – грустно хмыкнул я.

Эгле скомкала в руке записку, бывшую причиной нашего общего расстройства, и со злостью запустила в сторону урны.

Всё началось с того, что Эгле пожаловалась на сеньору Элинор – мол, шагу ступить не даёт, скоро придётся запрашивать письменное разрешение на выход из дома. Я пони-

мал Эгле лучше, чем хотелось бы. Ну, всё-таки, наши матери растили детей с болезнями внутренней мелодии. Было бы странно, если бы они над нами не тряслись. Но мы были маленькими неблагодарными паршивцами, достаточно хитрыми, чтобы придумать, как обойти контроль.

Итак, мы придумали отличный, замечательный план на эту ночь. Мы разрабатывали его несколько дней и воплощали несколько недель. Мы угробили кучу времени на дипломатическую работу. Чего стоила операция «Очередь», когда мы подгадывали время приёмов у Кейна – так, чтобы наши мамы постоянно сталкивались друг с другом. Чтобы они проводили друг с другом достаточно времени для установления взаимной симпатии. Но – и это важно! – меньше, чем требуется для того, чтобы подружиться. Мы были тошнотворно хорошими детьми всё время до начала каникул и потом ещё неделю.

А потом я пошёл к Эгле в гости посмотреть на звёзды. И надо же было такому случиться, что Эгле тоже решила посмотреть на звёзды. В гостях у меня. Да ещё и в ту же ночь. На наше счастье, у Эгле был какой-то наполовину игрушечный телескоп, а у нас – вполне пристойная крыша. Сеньора Элинор поначалу не хотела отпускать Эгле. Она сказала, что это всё очень хорошо, но смотреть на звёзды можно и с их крыши. Эгле страдальчески подняла брови – «но мама, у нас ведь такой бардак, мы ведь всё никак не можем раскидаться после переезда». Взяв с Эгле клятву явиться домой

не позднее семи часов утра, сеньора Элинор всё-таки разрешила ей пойти ко мне. Что касается моей мамы, она была рада, что моя жажда приключений ограничивается желанием созерцать ночное небо.

Ни на какие звёзды мы, конечно, смотреть не пошли. Мы пошли к морю. Набережная была недалеко от дома Эгле, каких-то сорок минут ходьбы – и вот уже слышны волны. Такой путь нам обоим был под силу. Кроме того, целую неделю мы честно выполняли все-все предписания, как следует выспались накануне вылазки и зарядили плееры.

На самом деле, было не так уж важно, куда идти. Главную задачу мы уже выполнили. Мы вышли из-под контроля, и сейчас никто не знал, где мы. Непривычное чувство.

Обалденное чувство.

Сначала мы шли в молчании, но когда немного отдалились от дома Эгле, уже вовсю болтали. Ощущение полной свободы и гордость – да, мы страшно гордились, что план сработал – оказались лучшей подзарядкой. Впервые за несколько лет Ленхамаари казался мне прекрасным городом. Нет, в теории я знал, что у нас куча архитектурных памятников, что ежегодно сюда навевывается толпа художников и звукомагов, ищущих вдохновения. Но сейчас я это как-то... понял, что ли. Ах, да. Прочувствовал, вот. Это называется «прочувствовал».

Гулять предстояло долго. Эгле предложила идти не напрямик, а немножко поплутать по кварталам. Я был не совсем

уверен в том, что мы сможем потом найти дорогу. Но раз Эгле не боялась заблудиться, я не стал возражать. Да и какой бы дурак стал лезть с нудными предупреждениями в такую ночь.

Нам и вправду очень повезло со временем, которое мы выбрали для прогулки. Было очень тепло, но не душно. Сумрак, таящийся между домами, казался бархатным. Каждый источник света был прекрасен. Фонари? Отлично, пусть они светят всегда. Фары последних автобусов, возвращающихся в депо? Доброй ночи. Лимонно-жёлтые окна? Конечно же, за стеклом самые уютные квартиры. Вроде и понятно, что там обитает какая-нибудь скучная тётка с неудавшейся жизнью, сидит сейчас на кухне и пытается понять, где же она свернула не туда. Или просто у кого-то бессонница. Или кошмары. Из-за чего ещё приличные люди могут не спать в это время суток? А всё равно. Сейчас это всё как-то и понятно, и неважно.

Эгле всё ускоряла шаг, словно предчувствовала что-то ужасно интересное впереди. А я наоборот вертел головой во все стороны, глазел на ночной город, как впервые увидел. Временами проверял, где Эгле, догонял её, и всё повторялось.

Когда я в очередной раз нашёл её взглядом, оказалось, что она застыла у поворота во дворы. У неё как-то странно напряглись плечи.

Слегка забеспокоившись, я подошёл ближе. Хотел встать

рядом, но Эгле вдруг вскинула руку, преграждая мне путь. Повернулась и тихо, почти беззвучно прошептала:

– Пойдём обратно?

Нахмурившись, я шагнул к стенке, быстро выглянул за поворот.

Нет, мы ни на секунду не забывали о существовании в этом мире Кори и его мерзавцев-приятелей. С помощью Юлса мы выяснили всё, что могли выяснить о любителях собрать толпу побольше и найти жертву послабее. И мы точно знали, что в этом районе нам встреча с Кори не грозит. Потому что у этого района было своё сборище, которое называло себя орденом. Тоже ничего хорошего, но у ордена, по крайней мере, были принципы. Например, они не били девочек и не нападали на одного скопом.

В отличие от скотин из компашки Кори, стоявших в глубине двора. Да, это были они. Не хочешь получать по морде – умей узнать врага со спины.

Правда, за последнее время я столько раз от них убегал, что они меня, наверное, тоже уже узнавали со спины.

– Вот чёрт, – выдохнул я, вжимаясь в кирпичную стену. – Каких тритонов они здесь делают?!

– Не знаю, – отозвалась Эгле. – Я тоже думала, что они тут не бродят.

Я внимательно посмотрел на неё.

По-моему, это я теперь с ней резонировал, а не она со мной. Потому что только сейчас мне стало действительно

жутко.

Никогда не видел, чтобы у неё были такие огромные глаза и такое бледное лицо.

До нас донеслись крики, ругань, звуки ударов и звон металла.

– Всё ясно, – мрачно сказал я, уже не таясь. Всё равно бы меня не услышали. – У них тут драчка.

– Надо вызвать полицию.

– Ты спятила.

Эгле наградила меня таким взглядом, что мне снова захотелось вжаться в стену.

– Пошли.

И припустила вниз по улице. Мне оставалось только последовать за ней. Не орать же ей вслед. Не пытаться же ей объяснить, что полиция вряд ли приедет. А если приедет, то ребятаки не расценят это как руку помощи. И если кто-то из них стоял на стрёме, скажем, в щели меж домов напротив...

Ох.

Я бросил взгляд через плечо. В поле моего зрения попала и упомянутая щель. И рядом совершенно точно кто-то стоял. Стоял и смотрел нам вслед.

Если это был наблюдатель из шайки Кори, пожалуйста, пусть орден их уделает. Потому что если не уделает, то нас ждёт увлекательнейшая ночь. И отличное лето. И просто чудесный год. Или даже несколько.

Если это был наблюдатель из ордена, пожалуйста, пусть

полиция не приедет. Потому что если они приедут и загребут в кутузку всех, кто не успеет побыстрее свалить...

Ох.

Тогда количество людей, которые желают нам с Эгле смерти в мучениях, возрастёт как минимум в два раза. И самое плохое, что каждый из них вполне в состоянии устроить нам эту самую мучительную смерть.

Так я думал, мчась рядом с Эгле сквозь бархатный сумрак и оранжевый свет фонарей. На бегу мы оба искали глазами хоть одну телефонную будку. Эгле – чтобы позвонить в полицию. Я – чтобы заметить будку первым и не дать Эгле это сделать.

Наивный, наивный я.

Может, я и мог скрыть от Эгле своё намерение помешать ей вызвать полицию. Но стоило мне наткнуться взглядом на телефонную будку, как Эгле моментально повернулась в ту же сторону.

Ничего, мысленно утешал себя я, покорно следуя за ней. Может, телефон не работает.

Но телефон работал. И трубку взяли, хоть и не сразу. А в голове моей непостижимым образом сохранился адрес дома, во дворе которого сейчас шёл жесточайший мордобой. И зачем-то я этот адрес сказал, когда звенящий от напряжения голос Эгле прервался и она бросила на меня отчаянный взгляд.

– Какой ты молодец, – с уважением сказала Эгле, аккурат-

но повесив обруч с наушниками обратно на рычаг. – И какая же я дурочка. Поскакала полицию вызывать, а сама даже не подумала, что надо адрес посмотреть. Спасибо.

Не за что, подумал я. Когда мы уходили, я бросил взгляд на телефонную будку. Скорее всего, завтра её тут не будет. Вернее, будка-то останется. Просто из неё уже больше никто и никогда не вызовет полицию. Она разделит участь своих собратьев из районов, где жили ушлёпки вроде Кори.

Наверное, провод наушников перережут, подумал я. Шайка Кори поступает так. Если бы это были ребята, которые называют себя сворой, они бы ещё и стёкла выбили.

На орден я уже и не надеялся. При всей их крутости, я не верю в уличную драку по правилам. Беспринципные сволочи всегда выигрывают в таких стычках. Просто потому, что у них больше вариантов.

Мы медленно шли по улице, восстанавливая дыхание. Лично у меня, судя по ощущениям, в боку застряло копьё. Эгле тоже здорово выдохлась. И всё же недостаточно сильно, чтобы не почувствовать мои мрачные мысли.

– Что-то не так? – спросила она.

Знала бы ты, дружище, во что мы сейчас вляпались, подумал я.

– Нет, ничего, – преувеличенно бодро сказал я. – Просто удивляюсь, какая ты, оказывается, храбрая.

– Будешь подлизываться – поколочу, – ласково сообщила Эгле.

– Но я правда удивился, – примирительно поднял руки я.

Эгле фыркнула:

– С каким треплом я, оказывается, дружу.

Но больше ничего не сказала.

Разумеется, о том, чтобы продолжать прогулку, не могло быть и речи. Эгле заверила меня, что сможет пробраться к себе, не разбудив сеньору Элинор, а утром скажет, что решила вернуться пораньше и что я её проводил. Это даже не было неправдой, потому что я в самом деле её проводил.

Сам я домой добирался уже на автопилоте. По счастью, без приключений. Понятия не имею, что творилось в том дворике. По крайней мере, ребята были достаточно заняты, чтобы ловить в ночном городе кого-то вроде меня.

Итак, я вернулся домой, успешно миновал мамину комнату, юркнул в свои апартаменты. Рухнул, не раздеваясь, на кровать и мгновенно заснул. Нервные встряски хороши в качестве подзарядки только в сам момент встряски. Потом *una corda* возвращается и говорит: «Ой, это что, эмоции? Зачем тебе такие сильные? Ты же всё равно не умеешь их испытывать». И накатывает куда сильнее, чем было до встряски. Ладно ещё, хватило ума запереть комнату и включить плеер...

– Доброе утро, – немного удивлённо сказал я, остановившись в дверях кухни. – А ты чего не на работе?

– У меня выходной, – сухо ответила мама.

Ой, точно. Я немного вылетел из времени, как это обычно бывает на каникулах.

– Ой, точно, – произнёс я вслух.

Она посмотрела на меня долгим печальным взглядом. Странно. В последний раз я видел у неё это выражение лица до того, как обзавёлся плеером.

– Сим, что это?

На столе лежал лист бумаги. Довольно помятый лист бумаги.

– Очередное письмо от папы, на которое я не ответил? – неуверенно предположил я.

– Боюсь, что нет.

Нахмурившись, я подошёл ближе.

Спасибо *una corda*, которая не позволяет моим мимическим мышцам вот так сразу скорчить рожу, соответствующую мыслям.

Мне показалось, что внутри что-то порвалось.

Очевидно, что послание принёс почтовый голубь. Каменный почтовый голубь. Вот почему в гостиной было так прохладно.

– Только попробуй соврать мне, что это вы теперь так переписываетесь с Эгле, – предупредила мама, крепко стиснув в ладонях чашку. – Скажи мне правду. Чем ты вчера ночью занимался?

– Гулял с Эгле, – брякнул я. – Ну, в смысле, на звёзды смотрел. Как и собирались.

– То есть, – начала мама, – Эгле может подтвердить... – она махнула рукой, досадливо, перебивая сама себя: – Ох, да конечно же, подтвердит. Она ни за что тебя не подставит.

– Ты можешь и сеньору Элинор спросить, – возразил я, чувствуя себя всё гаже и гаже с каждым словом. – Она тоже скажет, что мы с Эгле смотрели на звёзды.

Мама поднялась, горько улыбнувшись и покачав головой.

– Эгле тебя ни за что не подставит, – повторила она. И постучала пальцем по листку: – А ты её?

И она вышла из кухни. Я стоял, уставившись на кривые строчки. Примерно минуту спустя я услышал, как щёлкнул замок входной двери.

«Любишь дышать ночью свежим воздухом, Нортенсен?» – было написано на листке.

Мы с Эгле сидели на набережной – на городском, обустроенном её участке.

– Опять я всё испортила, – пробурчала Эгле. – Ты поэтому тогда сказал, что я спятила, да?

– Поэтому, – кивнул я, – но это было уже без разницы. Там кто-то из них стоял на стрёме. После того, как он нас увидел и узнал, мы бы могли хоть бежать впереди полицейских и дорогу им показывать.

– Ладно, – встряхнула волосами Эгле. – Давай подумаем, о чём нам всё это говорит.

Я послушно попытался сосредоточиться на фактах.

– Ну, – начал я, – во-первых, Кори знает, где я живу. Во-вторых, нам не помешало бы выяснить точно, чем кончилась вчерашняя драка.

– А что тут непонятного? – подняла брови Эгле.

– Да почти всё, – хмыкнул я. – Разбить окно не так уж сложно. Хватит одной руки, а на людях их по две растёт, это уж стандартно. Даже если эти люди этими руками по ночам других людей убивают. Нам надо знать, во-первых, приехала ли полиция. Если да, то кого она забрала. Если нет, то кто вчера победил.

– А, – ровным голосом откликнулась Эгле, – вот что тебе непонятно. Тогда слушай, расскажу. Полиция не приехала, а орден продул.

– Как ты узнала? – Я потрясённо обернулся к ней.

Она повела плечом. Взгляд у неё был как пасмурное небо.

– Я же дворами сюда шла. Видела, как они в подворотне кого-то потрошат. Если бы они продули ордену, фиг бы на следующий же день появились в моём районе.

– Это плохо...

Я подтянул ноги к груди, положил подбородок на колени и задумался. Ну, допустим, я смогу провожать Эгле до дому. Но чёрт возьми. Это же во сколько у нас комендантский час-то будет? В шесть вечера? Это нам теперь ходить только по людным улицам?

– Сейчас-то они, наверное, просто территорию метят, – пробормотал я под нос. – Потом поутихнут. Шататься по

всем районам сразу они физически не смогут. Ну, тем количеством, которому мы точно не дадим сдачи...

– Ты так спокойно об этом говоришь, – неодобрительно заметила Эгле.

– Ты про беднягу, которого они потрошили?

– Вот именно.

– Ну, извини. – Я слегка пожал плечами. – Могу бурно обрадоваться, что это была не ты. И не я.

Эгле только рукой махнула.

Мы оба замолчали. Так или иначе, каникулы были безнадежно испорчены. Даже не потому, что мы всё крепче влипали. Просто жаль было саму идею. Мы так старались, мы так долго готовились к ночной прогулке. Один-единственный раз мы попытались жить, как нормальные люди, и вот чем всё кончилось. Ужасно несправедливо, что нас угораздило наткнуться на этих сволочей. Из-за этого разочарования теперь не придумывалось вообще ничего интересного. Весь план, все наши усилия псу под хвост. Просто потому, что каким-то идиотам нравится делать другим больно.

А мы из-за этого должны сидеть по домам, слушаться маму, лечиться так, как нам говорит Кейн. Ну, может, ещё иногда играть в тихие игры и смотреть одобренные взрослыми фильмы. Можно пойти и на крайности. Например, записаться в кружок.

Хотя.

Точно. Нам же не разрешат.

Я чувствовал себя так, словно наши болезни подкралась к нам и обняли сзади за плечи.

– Мне к Кейну, – негромко напомнила Эгле, словно отвечая моим мыслям.

Я кивнул.

Прямо передо мной упала крупная капля. Одна, другая, третья.

– У меня есть зонтик. Возьмёшь?

– А ты? – Эгле протянула руку, но зонтик не взяла.

– Не сахарный. Кейн полчаса будет нудить, если ты придёшь к нему с мокрой головой.

– И правда, – вздохнула Эгле. – Ладно. Спасибо.

Она раскрыла зонтик и ушла. Я немного посидел на набережной. Совершенно несносная сегодня была погода. То дождь, то солнце. Так что я надеялся, скоро тяжёлые водяные капли перестанут сыпаться. Но дождь, кажется, планировал перерасти во что-то затяжное.

Плохо я себя чувствовал, плохо. И не был уверен, что плеер поможет. Судя по подборке песен, у Голоса была довольно беззаботная жизнь. Такая, которой никогда не будет жить Эгле. Такая, которой никогда не буду жить я.

Впрочем, кажется, больше мне ничего не оставалось. Сдохнуть от *una corda* прямо сейчас я не планировал. Так что у меня не было причин оттягивать включение плеера дальше.

...Песня, выпавшая в произвольном воспроизведении,

имела довольно спокойный темп и светлую, немного печальную мелодию. Удивительно. И ещё более удивительно, что текст был на алинге.

«...дождь глаза застилает, я не вижу пути...»

Ха, подумал я, поднимаясь со ступенек, всё-таки даже у тебя бывали плохие дни. Пожалуй, это веская причина продолжать тебе доверять.

Когда солнце уходит будить иные города и Тихие Земли, когда колыбельная заката тает на диминуэндо, когда с неба стекают в море дневные яркие краски, тогда зажигаются звёзды.

Когда пустеют улицы, когда умолкают чайки, когда ночной ветер топит город во влажном солоноватом запахе, тогда зримый мир становится прозрачным, а невидимый – осязаемым.

Когда ты плохо знаешь карту переулков, когда ты не можешь быстро и долго бегать, когда ты не привык обходить углы по широкой дуге, менять ритм шагов и считать тени, тогда тебе стоит пойти домой и сидеть там до утра.

Пять пар ног в тяжёлых ботинках топочут вразнобой, и так же, вразнобой, звенит металл. По улицам мечется эхо, как будто город тревожно вздрагивает во сне. И это, пожалуй, так.

Они вовсе не смелы. Просто им на самом деле нечего бояться. Они находят своё веселье в криках и мольбах о поща-

де. Соппротивление? Это ещё веселее. Они познают злую радость боя с равными. Они не идут по ночному городу – они топчут его. Они словно живой символ насилия. Они начинают свою охоту, и если ты не привык обходить углы по широкой дуге, менять ритм шагов и следить, сколько впереди тебя теней, тогда тебе стоит пойти домой.

Прямо сейчас.

Но уже слишком поздно.

Если ты идёшь, не таясь, по самому центру улицы, если ты держишь пустые ладони в пустых карманах, если ты смотришь вверх, по сторонам или даже прикрываешь глаза на несколько мгновений – у тебя должна быть очень веская причина поступать так.

Сейчас тебе предстоит подтвердить это.

Если ты не ускоряешь шага, если ты ведёшь себя так, будто не слышишь тревожного эха, у тебя, должно быть, скверно со слухом или ты просто не знаешь, что это значит.

Сейчас тебе объяснят.

Если ты смотришь на город не так, как смотрят хозяева, если ты пялишься на него влюблёнными глазами восторженного гостя, будь готов увидеть недостатки.

Сейчас тебе их покажут.

Когда человек, который выглядит слишком хлипким для хорошей драки, отказывается играть по правилам, следует призвать его к порядку.

Когда человек со спокойными, чуть снисходительными

глазами не отвечает на приветствие, следует научить его, как вести себя в приличном обществе.

Когда человек, баритон которого чем-то похож по тембру на звук серебряной гитарной струны, говорит тебе: «Эй, парень, оставь меня в покое, эй, слышишь, оставь меня в покое, знаешь ли...»

Тогда ты понимаешь, что он говорит на кэлинге, и сразу становится ясно, что чутьё не обмануло, вот почему он смотрел на город взглядом счастливого гостя.

И ещё он начинает притопывать ногой, и сразу становятся ясно, что слова, которые он произносит нараспев, складываются в ритмический рисунок.

Сразу становится ясно, что он вовсе не пьян, не обдолбан и – самое главное – не беспомощен.

Но уже слишком поздно. Красно-оранжевые сполохи летят быстрее, чем велосипедная цепь, чем метательный нож. И конечно, они быстрее, чем несколько испуганных мальчишек, бросившихся врассыпную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.